

Кира Ярмыш
Харассмент

Часть первая

Галушкин стоял возле кулера и невероятно долго набирал чайник. Инга сфокусировала взгляд в одной точке: там, где ободок чайника нажимал на рычаг с холодной водой, — и слушала бульканье. По мере того как набиралась вода, тональность звука менялась. Инга прикрыла глаза, но продолжала наблюдать из-под ресниц. Ужасно хотелось пить. Чайник казался бездонным.

— Долго еще тусили вчера? — спросил Галушкин. Он стоял, наклонившись к кулеру и вытянув руки вперед, а теперь еще сильно повернул голову, пытаясь посмотреть через плечо на Ингу. Поза была на редкость нелепой.

— Не очень.

В памяти всплыла сияющая раковина с таким же сияющим крапом и черно-белая плитка на полу. Инга крепко зажмурилась.

— Жалею, что не смог остаться с вами подольше, — посоветовал Галушкин, без особой, впрочем, печали. Он наконец-то выпрямился и, громко хлопнув крышкой чайника, уступил Инге место. — Рассчитываю наверстать все на новогодней вечеринке.

Этим утром мысль о вечеринках вызывала в Инге решительный протест. Набрав воды в свою термозакружку, она залпом выпила, а потом наполнила ее еще раз.

— А вы Новый год обычно как отмечаете? Всем офисом? Снимаете что-то? — спросила она наконец, решив из вежливости поддержать разговор. На кухне они с Галушкиным были вдвоем.

Вежливость давалась мучительно.

Галушкин поставил чайник на подставку и щелкнул кнопкой.

— Ну да, в прошлом году какой-то клуб снимали в центре. Но на самом деле ничего выдающегося. Слишком много людей. Все разбиваются по своим же отделам и бухают.

Инга кивнула, изображая внимание, и еще помялась у кулера, гадая, нужно ли как-то закончить разговор. Галушкин отвернулся, чтобы бросить в кружку чайный пакетик, и Инга, тут же малодушно воспользовавшись моментом, выскользнула из кухни.

Ковролин пружинил под ногами — в обычный день она бы этого не заметила, но сейчас Инге казалось, что шпильки вязнут в ворсе, и она вот-вот споткнется, смешно упадет, и все, конечно, догадаются, в каком она состоянии. Сегодня не то что ходить — ровно стоять на каблуках уже был подвиг. Ковыляя мимо переговоров, Инга посмотрелась в стекло — ее лицо в отражении выглядело уставшим, но никаких особых следов разгула, к счастью, заметно не было. Приободрившись, она добрела до своего места в их отсеке в самом углу опенспейса и со вздохом опустилась в кресло.

— Уточайся, — сказала Мирошина из-за монитора и подвинула к ней миску с печеньем. — На меня всегда такой жор с похмелья нападает. Последний коктейль вчера был явно лишним. Как вы это выдержали еще, я не понимаю.

Перед Ингой мелькнуло видение: лакированная столешница, в которой отражаются лампы, и темный силуэт сидящего напротив человека.

— Да мы недолго потом сидели, почти сразу разошлись. — Она пожала плечами и демонстративно захрустела печеньем, надеясь, что Мирошина верно истолкует сигнал и отстанет со своей болтовней.

Мирошина высунулась из-за монитора и сгребла из миски три печенья разом.

— Когда я уходила, Аркаша был уже о-о-очень пьян, — сообщила она с удовлетворением человека, который делится сногшибательным секретом.

— Ну, мы все пили немало.

— Не то слово! Представляешь, я уснула в такси! Водитель меня разбудил у дома. Стыдобушка. Вон даже Бурматова до сих пор нет, а это показатель.

Инга бросила невольный взгляд на кабинет Бурматова, хотя прекрасно знала, что он пуст. Стена, отделявшая его от опенспейса, была сделана из стекла, чтобы подчеркнуть демократичность начальства. Вообще-то Ингу это только раздражало (чудилось, что ей все время смотрят в спину), но сегодня она разглядела в такой корпоративной политике очевидные плюсы: узнать, на месте ли Бурматов, можно было издалека. Свет в кабинете не горел, а стул был небрежно повернут спинкой к столу. В очередной раз убедившись в этом, Инга испытала мгновенное облегчение, которое вскоре, однако, сменилось нарастающим мандражом. Чем дольше Бурматов не приходил, тем больше Инга нервничала, ожидая встречи.

— Он вообще мало пьет, Илья, — трещала тем временем Мирошина с набитым ртом. — Поэтому после каждой вечеринки помнит, кто напился и что делал. Но лишний раз не напоминает, конечно, не изверг же он все-таки.

У Инги свело щеки от усилий сохранить бесстрастное выражение лица.

— И часто кто-нибудь напивается? — спросила она как бы невзначай.

— Ой, да постоянно. Праздновали день рождения Галушкина, и Алевтина так отжигала, что, прикинь, упала со стула! Нет, ну ты не подумай, что мы тут алкоголики какие-то. Просто всякое бывает.

— Да, — пробормотала Инга, — всякое.

В надежде отделаться от Мирошиной она спряталась за своим монитором и ожесточенно застучала по клавишам.

— Много работы? — тут же поинтересовалась та. Так просто ее было не остановить.

— Да так, кое-что.

— А у меня сегодня пока полный штиль. Повезло, а то не знаю, как бы я в таком состоянии работала.

— Угу.

— Ну ладно, ладно, не отвлекаю. Где, интересно, все? Времени почти десять. Даже Галушкин пошел за чаем и пропал.

Инга на самом деле не работала. Открыв телеграм, она лихорадочно настрочила сообщение: “Катастрофа. По-моему, я вчера сделала страшную глупость” и с силой ударила по клавише “Enter”.

Ответ пришел почти мгновенно.

“Это не редкость. Но не томи, что именно ты сделала?”

Инга краем глаза заметила, что какой-то человек направляется в ее сторону, и оторвалась от экрана. По проходу шел Илья, здороваясь с кем-то. Мельком взглянув на них с Мирошиной, он кивнул и зашел в свой кабинет. Инга вросла в кресло и не шевелясь следила, как Илья включил там свет, швырнул портфель на диван и, развернув стул к себе, сел.

— Ну наконец-то, хоть кто-то, — тут же прокомментировала Мирошина.

Инга так резко встала, что у нее на секунду почернело в глазах. Она ухватила кончиками пальцев за край стола.

— Сейчас вернусь, — пробормотала она и, глядя строго перед собой, но ни в коем случае не на кабинет Бурматова, направилась в туалет. Топкую вязкость ковра она постаралась компенсировать решительностью походки.

Туалет был пуст. Инга облокотилась на раковину и прикрыла глаза. От резкого вставания голова все еще кружилась, а теперь к тому же начало слегка подташнивать. Зачем она так вскочила?

Инге показалось, что, кивнув, Илья посмотрел прямо на нее, но его взгляд она понять не успела. Неодоб-

рительный? Равнодушный? В ней самой в это мгновение все взметнулось, как листья от ветра. Что ж, самое страшное позади — их встреча состоялась, только Инга не знала, что чувствует: радость оттого, что она прошла так быстро и безболезненно, или мрачное предчувствие, что неприятный разговор еще впереди? Пожалуй, кивок был слишком отрывистым, чтобы сойти за приветливость, но Илья и раньше здоровался сдержанно. Может, и не будет никакого разговора? В конце концов, что тут обсуждать. Ну выпила лишнего, с кем не бывает.

Инга открыла глаза и посмотрела на себя в зеркало. Из прически выбилась прядь, она заправила ее обратно. Внимательно изучила лицо — лоб не блестел, стрелки не размазались. Сделав шаг назад, Инга провела руками по бедрам, разглаживая юбку, и повернулась вполоборота, разглядывая в отражении спину. Чуть пониже плеча на блузке виднелось небольшое рыжее пятнышко.

Инга выругалась сквозь зубы и потеряла пятно. Оно не стиралось. Блузка была белая и свежая, откуда ему взяться? Инга намочила пальцы и снова потеряла ткань, но преуспела только в том, что вокруг маленького рыжего пятна образовалось еще одно большое влажное. От расстройства Инга цокнула языком.

Включив сушилку пассами рук, Инга подставила под нее плечо, надеясь, что за этим занятием ее никто не застанет. Похмельная головная боль словно ждала этого момента, чтобы резко напасть. Плечу через несколько секунд стало обжигающе горячо.

Инга ликвидировала последствия своего провального прихорашивания, еще раз оглядела себя и вышла. Если с утра она и так чувствовала себя недостаточно уверенной, то теперь это ощущение взлетело до небес. Дурацкое пятно. В четырнадцать лет Инга нашла на даче книжку под названием “Энциклопедия стервы”, где на обложке была изображена женщина в небрежно повязанной шелковой

косынке, томно покусывающая дужку солнцезащитных очков, а внутри содержалась масса жизненных премудростей, среди которой Инге больше всего запомнилась одна: “Настоящая стерва никогда не позволит себе ходить на работе в рваных колготках. Поставили затяжку и думаете, что никто не заметит? Это на толстой бухгалтерше Маше никто не заметит, а у безупречной стервы даже мелкий изъян на виду”. Повзрослев, Инга перестала доверять подобным книжкам, но все равно стремилась одеваться без изъянов. Пятно на блузке превращало и без того не лучший день в окончательно испорченный.

Пока Инги не было, успел ли вернуться Галушкин с чаем и прийти Алевтина — зажимая телефон плечом, она что-то быстро писала в блокноте, пока ее компьютер включался. Инга помахала ей рукой, Алевтина кивнула, не прекращая писать. Казалось маловероятным, что она могла упасть со стула, веселясь на вечеринке, — послед-нее, что приходило на ум при взгляде на нее, было весе-лье. Инга никогда раньше не встречала человека, распро-странявшего вокруг себя ореол такого ледяного достоин-ства. Впрочем, Алевтина ей нравилась — ее величавость не только казалась гарантией от мелких подлостей и под-вохов, но и удивительно гармонировала с ее красотой (от-личительной чертой, моментально располагавшей Ингу к людям): Алевтина была высокой и худой, как спи-ца, с выпиравшими сквозь одежду тазовыми косточками и длинными пальцами. Гладкие черные волосы она разделяла на прямой пробор и собирала на затылке. Они так сияли в свете ламп, что казались похожими на нимб.

Мирошина, по-прежнему жевавшая печенье, производи-ла впечатление полной противоположности Алевти-не. Она была невысокой блондинкой с формами, кото-рые старательно подчеркивала поясами и вырезами. Инга довольно быстро сделала вывод, что Мирошину в жизни интересу-ет ограниченное количество вещей: ее британ-

ский кот (судя по всему, очень капризное создание), инстаграм-аккаунты магазинов одежды и сплетни о коллегах.

— Аркаша написал, что ему сегодня так плохо, что он впервые за год проспал, — сообщила она, как только Инга села напротив.

— Но ему уже лучше?

— Вроде да. Говорит, мчит на такси. Если Илья будет спрашивать, просил сказать, что мать заболела и пришлось завезти ей лекарства.

Инга хмыкнула и тут же опять покосилась на кабинет Бурматова. Он что-то печатал. Разбудив свой компьютер, Инга снова открыла телеграм и написала в окошке: “По-моему, я вчера немного странно вела себя со своим начальником”. На этот раз сообщение повисло непрочитанным.

В ожидании ответа она вяло полистала фейсбук, потом инстаграм, потом не без отвращения открыла рабочую почту. О делах думать не хотелось. Инге нужно было срочно обсудить вчерашнее.

Обычно Максим отвечал быстро, если только сам не был занят работой, но в этот раз как будто прошла целая вечность. Наконец в углу экрана всплыло сообщение:

“Насколько странно?”

“Мы пошли отметить окончание проекта, и все напились. И я. Мы остались вдвоем. Я несла какую-то чушь и тупо хихикала. А потом стала гладить его по руке”.

“А он тоже напился?”

“Мне казалось, что да, но теперь я не уверена. В общем, я в какой-то момент поймала себя на том, что сижу и натурально наглаживаю ему руку через пиджак. А он ничего не говорит!!! И свою руку не убирает!!! Короче, я так охренела от того, как мы к этому пришли, что убежала в туалет и просидела там минут 20, пока пыталась со-образить, что дальше делать”.

“А потом что?”

“Ну я вернулась, схватила сумку и сказала, что мне срочно нужно уйти. И буквально сбежала. Вспомнила, что надо вызвать такси, когда была уже в конце улицы. Еще ждала потом на холоде сто лет. Зато хоть протрезвела слегка”.

“Нуууу... могло быть и хуже”.

“Ты думаешь?”

“Ну, ты могла, например, комично упасть, когда убежала. Или тебя могло, например, стошнить ему на пиджак”.

“Дурак”.

Инга свернула телеграм и, откинувшись в кресле, раздраженно огляделась. Галушкин отвратительно громко прихлебывал чай.

На экране снова возникло сообщение.

“Камон, не переживай. Ну, погладила по руке. Странно, конечно, но не смертельно. А сегодня ты его видела уже? Он что-нибудь сказал?”

“Видела, как он в офис пришел с опозданием на час. Кивнул просто, мне показалось, не очень по-доброму. И всё”.

“Ну и забей. Слушай, все были пьяные, с кем не бывает”.

Инга перечитала сообщение, чтобы как следует проникнуться этой мыслью. Максим прав. Алкоголь все оправдывает.

Пришло новое сообщение:

“А он тебе вообще нравится?”

У Инги даже дыхание перехватило. Она замолотила по клавиатуре:

“Да при чем здесь «нравится»?! Мне работать с ним! Что он обо мне подумал, ты представляешь? Первая вечеринка, и я лезу к начальнику. Блин, скажи мне кто-нибудь это вчера, не поверила бы. Может, мне нужно пойти и извиниться?”

“Мне кажется, это будет еще страннее. Веди себя обычно. Если он адекватный чувак, то понял, что ты про-

сто напилась и тебя не туда занесло. Ты ж к нему не целоваться лезла”.

“Целоваться точно не лезла”.

“Вот и забей”.

Инга отключила телеграм на рабочем столе и снова открыла почту. Последний ответ Максима опять немного ее успокоил. Они дружили одиннадцать лет, и она привыкла доверять его мнению. Только Максиму было позволено ее критиковать, и только его похвала казалась Инге по-настоящему ценной. Иногда она ловила себя на ощущении, что если у всех людей существовал какой-то таинственный аппарат внутри, определяющий хорошее и плохое, то свой она как будто вынесла за пределы тела и поместила в другого человека. Жить так было довольно просто: можно было не утруждать себя самоанализом, а просто обратиться к Максиму, как к священному оракулу, и ждать, когда он все растолкует. Его авторитет для Инги был непререкаем.

Прямо сейчас ей все еще было немного не по себе, но привычный механизм уже пришел в движение: надо просто осознать слова Максима, и тогда сомнения отступят. Что, в самом деле, такого? Пьяные поглаживания — вещь, безусловно, стыдная, но нормальный человек на месте Бурматова и сам, скорее всего, сделает вид, будто ничего не произошло.

Аркаша влетел в офис и, зыркая в сторону бурматовского кабинета, направился к своему месту короткими перебежками, то и дело прячась за перегородками опенспейса. Все следили за его приближением с усмешкой, только Бурматов, кажется, был настолько поглощен работой, что ни разу не поднял головы. Наконец Аркаша добрался до их углового отсека и рухнул на стул.

— Фуууух, ну и утро! — выдохнул он.

— Похмелье? — тут же участливо поинтересовалась Мирошина и, забрав от Инги печенье, пододвинула к нему.